

ности (действительно, весьма мало привлекательной), мы не можем не признавать этого царя одним из наиболее выдающихся представителей русской письменности XVI в.

II

Нисколько не сомневаясь в авторстве Ивана IV по отношению к его важнейшим произведениям, дореволюционные исследователи тем не менее слишком сужали значение его писательской деятельности. Важнейшее произведение царя, его первое послание Курбскому рассматривалось прежде всего как часть переписки царя с его бывшим приближенным, как своеобразный литературно-психологический документ. Обнаружение текста первоначальной редакции первого послания, имеющего заголовок (в трех списках): «Цареву государеву послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене», дало нам основание для предположения, что основным адресатом послания было «все Российское царство», т. е. что послание носило характер не личного письма, а всенародного обличения «крестопреступников».⁶

В последнем издании «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзий поставил под сомнение правильность этого вывода. По мнению Н. К. Гудзья, «личный характер послания явствует и из того, что оно является прямым ответом на письмо Курбского, и из того, что в новом своем ответном письме Курбский пишет о том, что он получил „писание“ Грозного». Н. К. Гудзий указывает, кроме того, что вообще «личная переписка деятелей старой Руси, затрагивавшая злободневные вопросы своего времени, рассчитана была не только на непосредственных адресатов, но и на широкий круг читателей, заинтересованных в этих вопросах».⁷

Отметим прежде всего одно явное недоразумение. Автор этих строк никогда не сомневался ни в том, что послание Грозного было ответом на послание Курбского, ни в том, что послание царя было отправлено Курбскому и в свою очередь вызвало ответ с его стороны.⁸ В этом смысле послание, несомненно, является частью переписки между Курбским и Грозным. Бесспорно также, что в древней Руси личные послания, отправленные какому-либо определенному адресату, переписывались затем в сборниках и становились достоянием довольно большого круга читателей. Такова была судьба, например, послания архиепископа Вассиана Рыло Ивану III на Угру или посланий Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого различным иерархам.

Но послание Ивана Грозного Курбскому имеет все-таки существенное отличие от этих посланий, отличие, не позволяющее переоценивать его «личный характер» даже в момент написания. Вассиан Рыло в первую очередь старался убедить Ивана III наступать на татар, Геннадий и Иосиф прежде всего хотели предостеречь своих собратьев против еретической опасности. Использование этих памятников как публицистических произведений было уже вторичным моментом.

Иное дело — послание Грозного Курбскому. Уже Н. И. Костомаров справедливо заметил, что у царя не было никакой практической цели при

⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 469—471, 528—544. Ср.: Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 305—309.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. Учпедгиз, М., 1956, стр. 340, прим. 1.

⁸ В «Посланиях Ивана Грозного» (стр. 552—553) нами была даже высказана мысль, что одна из дошедших до нас редакций послания восходит к экземпляру, посланному царем Курбскому (в настоящее время это предположение кажется нам сомнительным).